

ТЮТЧЕВ О ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

Сообщение А. Глассе (США)
Послесловие Н. Я. Эйдельмана

О дипломатической деятельности Тютчева, о его служебном окружении в Мюнхене и его обязанностях до сих пор мало что известно. С целью восстановить этот пробел в биографии поэта исследователи неоднократно предпринимали разыскания в Главном государственном архиве Баварии, находящемся в Мюнхене. Однако эти разыскания пока не увенчались успехом — документы, характеризующие деятельность Тютчева-дипломата, не были обнаружены в этом архиве.

Исходя из данных обстоятельств, мы попытались выяснить, нет ли каких-либо сведений о Тютчеве как члене дипломатического корпуса при дворе баварского короля Людвига I, в посольских архивах стран, представленных при этом дворе. С этой целью нами были просмотрены бумаги двух посольств — вюртембергского и голландского. Архивный фонд первого находится в Штутгарте.

Особое внимание было уделено изучению посольских донесений и других документов, близких по датам к тем фактам и обстоятельствам жизни Тютчева, которые могли привлечь внимание членов мюнхенского дипломатического корпуса, — прежде всего его приезды в Мюнхен и отъезды оттуда, связанные с отпусками и служебными поручениями.

Сведений о приезде Тютчева в Мюнхен в делах обоих названных посольств мы не нашли, хотя приезды и отъезды посольских служащих, даже самых незначительных по рангу, обычно фиксировались, так как они, как правило, привозили и увозили почту, исполняли разные официальные поручения и нередко были источниками свежих политических новостей.

Имя Тютчева впервые появляется в донесении вюртембергского посланника при баварском дворе барона Шмиц-Гролленберга своему королю от 6/18 февраля 1826 г. В донесении сообщается о приезде из Петербурга в Мюнхен генерал-лейтенанта баварской службы кн. Константина фон Лёвенштейн-Вартгейма и Тютчева. Они привезли почту и последние новости из России.

Дата возвращения Тютчева в Мюнхен до сих пор не была известна. Теперь мы можем установить ее совершенно точно: Тютчев прибыл в столицу Баварии в ночь на 5/17 февраля 1826 г. Однако упомянутое донесение, а также и следующее — от 11/23 февраля — интересны прежде всего тем, что в них сообщается ряд сведений, относящихся к восстанию декабристов, причем Шмиц-Гролленберг подчеркивает, что главным источником этих сведений послужили рассказы Тютчева.

О событиях 14/26 декабря в Мюнхене впервые стало известно 5/17 января. Известия были получены из разных мест: от Августа Гизе — баварского посланника в Петербурге, от баварских посланников в Берлине и Дрездене (Hauptstaatsarchiv, Stuttgart E. 71. Verz. 30, Carton VI, Gesandtschaft München, N 5, 18 Jan. 1826). Официальное сообщение о восстании содержалось в циркуляре министра иностранных дел России от 19/31 декабря, разосланном всем русским дипломатическим представителям; русский посланник в Мюнхене получил его 6/18 января (Bayerisches Hauptstaatsarchiv, München. Abteil II. Geheimes Staatsarchiv. Russische Gesandtschaft in München, G 31, N 10, N 1, 6/18 Jan. 1826).

Однако подробности этого события не переставали интересовать дипломатический мир, и Шмиц-Гролленберг не замедлил сразу же сообщить своему правительству сведения о восстании, полученные от лиц, только что прибывших из Петербурга.

В настоящем сообщении публикуются выдержки из двух донесений Шмиц-Гролленберга, в которых содержатся сведения, почерпнутые из рассказов Тютчева и Лёвенштейна (Hauptstaatsarchiv, Stuttgart E. 71. Verz. 30, Carton VI, Gesandtschaft München. № 12, <6>/18 Febr. 1826; № 13. <11>/23 Febr. 1826).

Оба донесения написаны на немецком языке. Печатаются в переводе С. Л. Бродской.

ИЗ ДОНЕСЕНИЙ ВЮРТЕМБЕРГСКОГО ПОСЛАННИКА В БАВАРИИ
 БАРОНА ШМИЦ-ГРОЛЛЕНБЕРГА КОРОЛЮ ВЮРТЕМБЕРГА
 ВИЛЬГЕЛЬМУ I

<1>

№ 12

Мюнхен. 18 февраля 1826 г.

Верноподданнейше сообщая вашему королевскому величеству, что князь Лёвенштейн прибыл сюда позавтрашней ночью. Он покинул Петербург 1-го и на 2 дня задержался в Берлине. Генерала Варенбюллера он встретил у Пальаугена и нашел его в добром здоровье. Графу Воронцову он передал письма от его императора, адресованные его королевскому величеству, и вчера граф имел честь вручить их. По рассказам князя Лёвенштейна и главным образом посольского атташе Тютчева, который возвратился вместе с ним, в Петербурге полностью восстановлено общественное спокойствие, однако правительство еще долго не будет спокойно, ибо всеобщее движение образованных кругов нации возрастает с каждым днем и существующая уже 2 или 3 года *Congrégation du Midi* *, обосновавшаяся главным образом в Москве, выступает со своими требованиями столь решительно, что это могло бы вызвать величайшие опасения, если бы не поведение императора Николая, которое превосходит все ожидания русских и пробуждает любовь к нему и наилучшие надежды.

События 26 декабря совершились без участия главного Союза, который находился в Москве. Большинство молодых людей, ими руководивших, как, например, князь Трубецкой, не являлись членами этого Союза, хотя и знали о нем, — они хотели играть первые роли и стяжать себе всю славу. Связанные с этим планы убийств были совершенно чужды главному Союзу. Этот Союз надеялся получить самые необходимые реформы из рук монарха, т. е. от самого Александра, который знал об этом и уже готов был изменить всю систему. То, что заговор в Петербурге потерпел неудачу, считают следствием счастливого стечения обстоятельств, ибо он вполне мог бы удалиться, если бы не был раскрыт заговор Финляндского полка, вовремя удаленного из столицы. Благодаря этому император получил полное представление о главном Союзе и тех недостатках и нареканиях, которыми было вызвано его возникновение. Он прекрасно воспользовался этими открытиями. Он сам руководит всем следствием и, проявляя удивительную сдержанность и беспримерную энергию, работает целыми днями, позволяя себе только 3 часа сна. Всех арестованных приводят сначала к нему, и здесь их прежде всего допрашивают о причинах их недовольства. Многих император тут же освободил. Морские офицеры указывали на вопиющие недостатки, существующие на флоте. Один превосходный флотский офицер, которого император упрекнул в том, что он ранее не сообщил об этом, сослался на записку, которую он подал год назад и которая должна находиться в Комиссии. Император приказал ее разыскать, нашел ее содержание обоснованным, тотчас же освободил офицера, повысил его в чине и создал комиссию для расследования недостатков на флоте, распорядившись, чтобы ее возглавил генерал Сенявин, который был уволен в отставку, а сейчас призван обратно. Полагают, что в главном Союзе участвовала большая часть армии. Уже арестовано 30 полковых командиров. Император установил 3 категории арестованных: совратители, совращенные и те, кто просто желал улучшений. Первые будут строго наказаны. Князь Лёвенштейн очень взволновал графа Эйзигеля сообщением, что император возмущен отказом саксонского короля выдать польского генерала Княжевича, несмотря на его тяжкую вину. Но генерал этот уже не состоит более в Русско-польском союзе и в течение 10 лет пользуется покровительством короля и русского императора.

Между тремя братьями императорской фамилии царит полное согласие. Великий князь Михаил во всем поддерживает императора, а великий князь Константин привезет тело императора Александра в Петербург.

* Южная конгрегация (франц.).

Ново-Декабрь. 1826.

Всего рудрашино Семь владык
 И шерб его вась илсржате —
 И с^о шидмунисомъ Сидра-
 Си ирало вортъ Вакошъ с^{ирсидет} с^{ирсидет} —
 Народъ, чудидаетъ строломудва,
 И носить ваши Милна —
 И ^{ваша} ~~Милна~~ вана, ~~Илсржате~~
 какъ ~~Илсржате~~ ^{сина} ~~Илсржате~~ ^{сина}
 Велат, ~~Илсржате~~, ~~Илсржате~~ ~~Илсржате~~

О ширивъ швнши барандуши,
 И вь уло вилш, илсржате ~~Илсржате~~,
 Шиб сшлжте ваши кровъ сшлжте
 Шибте швнши шлсржате шлсржате
 Шва, Швнши, она шлсржате
 на шквои' шлсржате шлсржате,
 Шлсржате шлсржате шлсржате —
 И не осмателъ и шлсржате

«14-ое ДЕКАБРЯ 1826»

Автограф, <1826>

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Ненависть всех русских к Австрии, и в особенности к князю Меттерниху, возрастает с каждым днем. Неосторожность графа Лёбцельштерна, который до сих пор принимает у себя княгиню Трубецкую, и непонятное поведение молодого князя Шварценберга, который 26 декабря поехал в каре мятежников и очень долго с ними беседовал, еще более увеличили эту ненависть и вызвали в народе мнение, что восстание было спровоцировано Австрией, дабы повредить императору и удержать его от всяких либеральных намерений.

<2>

№ 13

23 февраля 1826 г.

Известия из Петербурга:

Баварский королевский курьер, который должен был следовать за князем Лёвенштейном и передать новые известия, обещанные бароном Гизе, заболел, а

потому приходится довольствоваться рассказами тех, кто возвратился из Петербурга. К тем сведениям, которые я передал вашему королевскому величеству в моем последнем донесении за № 12, следует прибавить также известия о громких жалобах русских на кричащие недостатки законодательства. Ожидают плодотворных реформ, которые будут проведены после погребения императора Александра и коронации императора Николая в Москве. Полагают невозможным, чтобы император смог полностью подавить движение в армии каким-либо другим путем, кроме войны с турками; даже если бы не было греков, русские потребовали бы отмщения за те оскорбления, которые император Александр и русская нация до сих пор вынуждены были терпеть от турок.

Полагают, что министр граф Нессельроде уйдет в отставку в звании государственного канцлера. Перед первым дипломатическим приемом, он передал императору список фамилий иностранных послов, которые, может быть, не были еще знакомы его величеству. К этому был приложен проект речи, которую, возможно, пожелал бы произнести император. Его величество внимательно прочел все и вернул министру со словами: «Это мне не нужно, я должен сказать вам, что имею плохую привычку говорить только то, что сам думаю, и только так, как думаю».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сообщения о событиях 14 декабря 1825 г., сделанные вюртембергским посланником со слов Тютчева, не отличаются точностью и достоверностью. Скорее, это слухи, чем факты, к тому же переданные с определенными искажениями и неотделимыми от рассказов баварского генерала кн. Лёвенштейна. Тем не менее они представляют интерес по целому ряду причин.

Во-первых, слухи о декабристах, даже весьма далекие от истины, неоднократно привлекали внимание исследователей как показатель общественной осведомленности, общественного мнения в связи со столь важными событиями (С. Н. Чернов. Слухи 1825—1826 годов (фольклор и история).— В кн.: С. Н. Чернов. У истоков русского освободительного движения. Саратов, 1960, с. 329—346). Во-вторых, информация Тютчева, полученная в Петербурге в ближайшие недели, последовавшие за восстанием, — важное свидетельство умонастроений его круга. Наконец, некоторые элементы тютчевского рассказа могут быть связаны с предысторией его стихотворения «14-ое декабря 1825» («Вас развратило самовластье...»). В сообщениях вюртембергского дипломата, сделанных «по рассказам <...> главным образом посольского атташе Тютчева», реальные факты причудливо соединяются с ошибками, вымыслом.

Интересным и верным является «предсказание» близкой войны с Турцией как способа воздействовать на патриотические чувства населения.

Во «флотском офицере», который был сначала арестован, а затем освобожден и даже поощрен за указания на существующие недостатки, угадывается лейтенант 8 флотского экипажа Д. И. Завалишин, с которым Тютчев был не только хорошо знаком, но и находился в свойстве. Арестованный по приказу Николая I от 27 декабря, он был 16 января освобожден по высочайшему повелению (в апреле 1826 г. был снова арестован и позже приговорен по I разряду к смертной казни, замененной каторжными работами). В делах Следственной комиссии действительно сохранились его письма к Александру I, в которых содержатся некоторые соображения о воспитании флотских офицеров, а также записка на имя Николая I, написанная им после первого допроса у императора («Восстание декабристов», т. III, М.—Л., 1927, с. 224—231, 250—255). Сообщение Шмиц-Гролленберга об этом допросе и его последствиях для Завалишина почти полностью совпадают с тем, что позднее сам Завалишин рассказал в своих воспоминаниях. В них он сообщает, что по окончании первого же допроса Николай I предложил ему незамедлительно составить записку «о флоте и по другим предметам»; царь был «чрезвычайно доволен» этой запиской, касавшейся вопросов воспитания офицеров флота, и адмирал Д. Н. Сенявин, присутствовавший при чтении, просил царя прикомандировать Завалишина к Комитету образования флота, где он был председателем; декабрист сообщает и о разных почетных назначениях, которые он тут же получил (Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПб., 1906, с. 220—226). Что касается Д. Н. Сенявина, то он действительно был вынужден уйти в отставку в 1813 г. и только в конце 1825 г. вернулся на службу. Следует заметить, что значение эпизодов, относящихся к допро-

су Завалишина и составленной им записке, в публикуемом донесении преувеличено в той же мере, как и в воспоминаниях декабриста. Таким образом, устанавливается по крайней мере один петербургский источник, из которого Тютчев почерпнул сведения о событиях 14 декабря, — источник не очень достоверный, поскольку Завалишин сам был недостаточно осведомлен и, кроме того, весьма склонен к неточностям и преувеличениям во всем, что касалось его лично. В донесении Шмиц-Гролленберга отчасти соответствуют истине и сведения о польском генерале Княжевиче. Он был связан с некоторыми из членов Южного общества и действительно сначала рассматривался как крупный деятель тайного союза («Восстание декабристов», т. VIII, Л., 1925, с. 66). С 1824 г. Княжевич жил в Дрездене. Упомянутый в связи с его делом граф Детлев фон Эйнзигель (1773—1861) — саксонский политический деятель, глава правительства и министр иностранных дел Саксонии.

Наконец, определенный интерес представляют также сообщения о «ненависти (...) русских к Австрии», подозрениях насчет роли австрийского посла Л. Лёбцельштерна и др. Как известно, на начальном этапе разбирательства декабристских дел власти старались разработать версию об «иностранном корнях» заговора, в частности о большой роли Австрии; позже, однако, пришлось почти полностью отказаться от подобной трактовки («Восстание декабристов», т. XVII, М., 1980, с. 65). В связи с австрийской темой упоминаются два имени — кн. Трубецкая и кн. Шварценберг. Первая — Е. И. Трубецкая, жена декабриста С. П. Трубецкого; она находилась в родственных отношениях с семьей австрийского посланника в Петербурге Л. Лёбцельштерном. Второй — кн. Феликс Шварценберг, известный впоследствии австрийский дипломат и политический деятель; до 1826 г. состоял при австрийском посольстве в Петербурге. Он был 14 декабря на Сенатской площади и расспрашивал, что здесь происходит («Восстание декабристов», т. II, М. — Л., 1927, с. 244).

Два связанных между собою мотива публикуемых донесений представляют особый интерес.

Во-первых, неоднократно повторяемые мысли о том, что восстание имело объективные причины; что «движение образованных кругов нации» ставило целью добиться «самых необходимых реформ» и «изменить всю систему»; что теперь, услышав «громкие жалобы русских на кричащие недостатки законодательства», Николай I получил полное представление о царящих злоупотреблениях.

Таким образом, в рассказах Тютчева присутствовала как бы двойная критическая оценка: неодобрение крайних средств, использованных восставшими, и в то же время осуждение власти, не внявшей «образованным кругам нации», игнорировавшей «кричащие недостатки...».

Подобный взгляд на события близок автору стихотворения «14-ое декабря 1825», в котором противопоставлены «жертвы мысли безрассудной» и «вечный полюс» власти.

Стихотворный отклик на 14-е декабря был написан, как это видно по его содержанию, через несколько месяцев после объявления и приведения в исполнение приговора, когда официальная история движения была обнародована в «Донесении Следственной комиссии». Тютчев в то время находился в Мюнхене. Сведения о декабристах, представленные в этом документе, понятно, соединились в сознании поэта с его собственными впечатлениями и другими фактами, о которых он знал по слухам (*Летопись*, с. 24).

В этой связи примечательно неоднократное повторение в донесении Шмиц-Гролленберга от 18 февраля странного на первый взгляд суждения об огромной организации, именуемой *Congrégation du Midi* (Южной конгрегацией), «центр которой находился в Москве». Из текста видно, что речь идет не о революционном обществе, поднявшем в конце декабря 1825 г. восстание на юге; наоборот, подчеркивается, что «планы убийств были совершенно чужды главному Союзу. Этот Союз надеялся получить самые необходимые реформы из рук монарха, т. е. самого Александра, который знал об этом». Легко догадаться, что немецкий дипломат со слов Тютчева толкует о Союзе благоденствия — раннем декабристском союзе (1818—1821), придававшем особое значение сочетанию нелегальной и легальной деятельности.

Не зная, что и у Союза благоденствия конечные, «сокровенные цели» были связаны с коренной переменой существующего строя, Тютчев, очевидно, представлял действия Рылеева и его товарищей как своего рода «искажение» первоначальных установок тайного общества. Возможно, поэтому стихотворная формула, позже положенная на бумагу, — «Вас развратило самовластье...» — должна быть истолкована как обращение не ко всем, а только к самым радикальным формам декабристского движения.

Еще одно сообщение, полезное при сопоставлении оценки 14-го декабря в донесении, составленном со слов Тютчева, и в его стихах, — это известный оптимизм донесения по по-

воду вероятных перемен и реформ, связанных с личностью Николая I, и глубокий, страшный пессимизм стихотворения, где уже ни слова о возможных, благоприятных последствиях новой политики для России:

Зима железная дохнула —
И не осталось и следов...

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЮТЧЕВ В СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ Д. И. ЗАВАЛИШИНА

Публикация Г. В. Чагина

26 апреля 1826 г. юнкер Артиллерийского училища И. И. Завалишин, брат декабриста, написал на него донос, адресованный непосредственно императору. Среди лиц, которым были известны преступные замыслы Завалишина, доносчик упоминает братьев Тютчевых и их кузена А. В. Шереметева. В частности, он приводит слова, которые слышал от Тютчева зимой 1825/1826 гг.: «...Приехавший в то время из Москвы, коллегии иностранных дел (чиновник), состоящий при российском посланнике графе Воронцове в Баварии Федор Тютчев, живший несколько времени здесь, в С. Петербурге, говорил при мне поручику Тютчеву, родному брату своему (<...>): Завалишин был очень неосторожен, открывал разные бредни всякому желающему его слушать» (ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 47, л. 23; слово «бредни» подчеркнуто Николаем I). Здесь автор доноса сделал примечание: «Должно заметить, что поручик Тютчев был издавна друг неизменный и неразлучный свиты его императорского величества по квартирмейстерской части полковника и кавалера Колошина и брата его, служащего в котором-то из присутственных мест московских. В зиму 1823 года в бытность в Москве поручика Тютчева Колошин статский видался с ним ежедневно (хотя можно предположить сему причиною завязку свадьбы одного Колошина с графиней Салтыковой, делавшую в доме отца одного Тютчева, надворного советника Тютчева). Но желательно бы знать, не открывал ли Колошин Тютчеву каких-либо замыслов или, по крайней мере, существование московского тайного Общества. Впрочем, Тютчев характера флегматического и неохотно бы взошел, как я думаю, в виды членов его» (там же; л. 24; Петр Иванович Колошин (1794—1849) и его брат Павел Иванович (1799—1845) были членами Союза Благоденствия; в 1824 г. Павел Колошин женился на гр. А. Г. Салтыковой).

Николай I начертал на доносе: «Очень любопытно; нельзя не принять всего этого в новое соображение». Поэтому Д. И. Завалишину пришлось давать объяснения по поводу своих отношений с лицами, упомянутыми в доносе, в том числе и с Тютчевым и его родными:

«Об Федоре Тютчеве есть мое определение как я его разумел и как другим говорил о нем и именно Сомову, который спрашивал меня о нем: Он совершенно немецкий придворный, любитель этикета и в полном смысле слова Аристократ. Касательно России я с ним политических разговоров не имел, и более слушал его рассказы о Германии, где он находится при посольстве при Баварском дворе. Видевшись с ним еще в детстве, я в первый раз встретился с ним в Москве, в отпуску, в доме отца его, где я жил во время проезда. Я одним словом могу подтвердить, что Федор Тютчев был весьма привязан к покойному императору» (там же, л. 44; об интересе критика О. М. Сомова к личности Тютчева сведений до сих пор не было).

Примерно в тех же тонах выдержан и рассказ о А. В. Шереметеве: «Алексей Шереметев, племянник отцу Тютчеву — жил у него в доме, где я с ним и видался. Я читал его совершенно неспособным даже на политические разговоры, не только что на действования, что сейчас можно увидеть по описанию, которое подтвердит всякий, кто знает его. Он служил в гвардейской конной артиллерии, издерживал весьма много денег и вел жизнь чрезвычайно рассеянную. Неожиданные перемены в его состоянии заставили его перейти в армейский пехотный полк. С сего времени он стал предан совершенно меланхолии, никуда не отъезжал и оставил почти всех своих знакомых. Я сам был свидетелем, что леность, следствие задумчивости, была так велика, что он иногда дня два не одевался и не говорил, и не выезжал уже решительно никуда, кроме на дежурство к графу, или вместе с семейством Тютчевых в театр итальянский. Так что иногда для рассеяния его мрачности надлежало почти силою вывозить его из дому» (там же, л. 44; в 1825 г. А. В. Шереметев был адъютантом гр. П. А. Толстого, командира Пятого пехотного корпуса).

Ни для Тютчева, ни для его родных этот донос последствий не имел. Несомненно, что решающую роль сыграл здесь характер показаний Д. И. Завалишина.